

Сюй Сяочжэнь установил «дни сдачи телесного налога» на пятничный вечер и субботу. Воскресенье — табу. В понедельник учёба, надо быть в форме.

Чжоу Янь был крайне недоволен. В его глазах учеба не стоила и ломаного гроша:

— Только через учёбу можно изменить свою судьбу, — стоял на своём Сюй.

Чжоу лишь усмехнулся, даже с издёвкой:

— Ты омега. Постой у ворот администрации — и жизнь изменится. Все роли распределены при рождении. Бороться бессмысленно. Хочешь поменять судьбу — иди в реку забвения, а потом переродись в нормальной семье.

— Если каждый начнёт скакать по классам, Империи конец.

Такие слова выводили Сюй Сяочжэня из себя. Он сжал кулаки, упрямо глядя на него:

— Ты же сам говорил, что эти законы — инструмент подавления. Разве не логично попытаться вырваться из-под него, подняться выше? Ты же сам смеялся над этим идиотским заданием...

Чжоу молчал. Несколько дней назад он сам называл учебные задания идиотизмом.

Но всё дело было не в ненависти к Империи как системе. Просто, будучи альфой с привилегиями, он прекрасно понимал: это тоже механизм власти.

Он был воспитан с точки зрения угнетателя. И теперь, даже сидя с угнетённым, он не видел причины бороться с тем, что защищает его интересы.

Скоро уезжать. Чжоу Янь не хотел ссориться — просто притянул Сюя к себе и поцеловал. Тот немного поныл и сразу стал послушным.

Наступил август. До экзамена — полмесяца. Жара стояла невыносимая: с утра уже за тридцать.

Сюй вставал в четыре. Умывался холодной водой, садился за конспекты. В семь — грел молоко для Чжоу. Пока тот завтракал, сам он пил питательный раствор и продолжал читать — вспотевший насквозь.

Чжоу Янь поднял ему подбородок и влил в рот остатки молока.

Сюй Сяочжэнь поморщился. Лицо стало белым, как бумага. Видимо, у него с рождения не было склонности к роскоши — молоко отдавало резким, почти тошнотворным запахом, хотелось вывернуть желудок. Но раз Чжоу Янь сам дал — он проглотил молча.

После завтрака Сюй Сяочжэнь закинул за плечи свой рюкзак, спереди прижал к себе рюкзак Чжоу Яня. И так, вдвоём, они пошли в школу.

Погода выдалась тяжёлая — небо затянуто, чёрные тучи будто вот-вот рухнут вниз, воздух давил. Ветер не приносил пролады, только влажную духоту. Кажется, будет ливень.

Сюй Сяочжэнь по пути в голове прокручивал учебный материал — пытался удержать формулы, понятия, связи. Чжоу Янь быстро заметил, что его игнорируют, и стал жаловаться — то ему жарко, то пить хочется.

Сюй Сяочжэнь наконец немного очнулся от мыслей, стал обмахивать его, держать зонт, отдал свою воду.

— Тьфу! Это что, из-под крана налил? Хуже воды в жизни не пил! — Чжоу Янь сделал глоток и тут же с отвращением выплюнул, опрокинул стакан прямо на асфальт. Вода с шипением испарилась, поднимая белые клубы пара.

Сюй Сяочжэнь весь взмок. Волосы прилипли ко лбу, спина покрылась потом — рубашка прилипла к коже, и под тканью уже угадывался светлый оттенок тела. Щёки горели от жары. Он знал, что Чжоу Яня тяжело угодить, поэтому ничего не сказал — только крепко сжал губы и молча побежал в сторону ближайшего магазина, купить ему бутылку минеральной воды.

Когда вернулся, опять держал над ним зонт, а сам всё так же не отрывался от своей маленькой тетрадки, продолжая что-то повторять на ходу.

Чжоу Янь был разбалован. Настолько, что привык — если Сюй Сяочжэнь рядом, то и взгляд его должен быть только на нём. Ни на строчках, ни на небе, ни на прохожих — только на нём. Стоило Сюй Сяочжэню хоть чуть-чуть отвлечься, и Чжоу Янь тут же начинал чувствовать раздражение, даже не понимая, откуда оно.

Он ведь скоро уезжает. А Сюй Сяочжэнь — разве он не говорил, что любит его? Так почему же не ценит каждую оставшуюся минуту вместе?

В груди всё смешалось: злость, раздражение и какое-то неприятное, не распознанное чувство — может, обида.

Сюй Сяочжэнь шёл, опустив голову. Короткая линия шеи — уже покрасневшая от солнца — уязвимо белела над воротником.

Чжоу Янь был не в духе — и не собирался терпеть один. Если ему плохо, значит, и Сюй Сяочжэню будет нехорошо. Он поднял руку, крепко сжал его за шею, чуть выше железы, и, не сказав ни слова, втолкнул в узкий переулок.

За месяц с лишним этот мерзкий, самодовольный альфа успел изучить своего омегу до последней черточки. Играл с ним, как хотел — внешне и изнутри, не оставляя ничего за гранью. И при этом Сюй Сяочжэнь всегда сначала слабо сопротивлялся, словно пытаясь сохранить лицо, а потом сдавался. Всегда.

Чжоу Янь давно превратил это в игру: мнимая охота, в которой жертва сама ползёт в капкан. Его «нет» — часть ритуала, не больше.

Сейчас, хотя сопротивление было сильнее обычного, Чжоу только разгорелся. В его голосе, хриплом от удовольствия, прозвучала похвала:

— Хороший мальчик.

Он провёл рукой по вспотевшим волосам Сюя, который стоял на коленях, лицо залито краской. Каждый клочок открытой кожи — алый. Страх быть замеченным прохожими — парализовал, и он вцепился пальцами в мускулистое бедро Чжоу.

В наказание, после всего, Чжоу даже не взглянул в его сторону. Похлопал по щеке, как по голове собаки, и ушёл, закинув рюкзак на плечо.

Сюй остался на земле. Голова гудела. Прошло несколько минут, прежде чем он смог подняться, опираясь на колени.

Даже если бы он был полным дураком, он бы понял: то, что сейчас произошло — унижение.

Но у него не было ни времени, ни сил, чтобы злиться. Учёба начиналась с минуты на минуту. Внутри только один вопрос: что он опять сделал не так, почему Чжоу Янь был злой?

Он еле как добрался до школы. Обычно он приходил заранее. А тут — прямо к звонку. Все удивились. И даже обернулись.

— Сюй Сяочжэнь, с твоим лицом что?!

Он отмахнулся, думал — очередная шутка. Но когда кто-то сунул ему зеркало, он остолбенел: всё лицо покрыто красными пятнами. Как аллергия.

Он ведь с детства почти не болел. Ни простуд, ни температур. А сегодня... единственное новое — это молоко, которым Чжоу его напоил.

Похоже, у него аллергия на молоко. Настоящий нищий — даже нормальную еду организм не принимает. Сюй мрачно усмехнулся.

— Фу, какая гадость! — донеслось с соседней парты.

— Как жаба, — донёлся чей-то голос. — Это не заразно, а?

— Отойди, а то подцепим ещё.

Ему было не больно, не зудело. Просто душно, как будто не хватало воздуха. Наверное, не умрёт. Но раздражённые голоса вокруг только добавляли тяжести. Голова кружилась, говорить не получалось, горло саднило. Он просто пнул стол.

Сразу наступила тишина.

Сюй молча взял свой стул и парту и пересел в самый угол последнего ряда, подальше, чтобы никому не мешать.

Сюй Сяочжэнь в последнее время и так едва держался на ногах от усталости. А после утренней аллергии на молоко продержался на одном упрямстве. Когда прозвенел звонок, он не успел даже встать — просто уткнулся в парту и уснул прямо там, не замечая ничего вокруг.

А в это время Чжоу Янь стоял у школьных ворот. Пять минут и две секунды.

Сюй Сяочжэнь не пришёл.

Он злится?

Он правда решил обидеться?

Он злится.

Он точно злится.

Чёрт побери! С какой стати?!

Как он вообще посмел дуться? С чего вдруг возомнил, что имеет право обижаться?

Чжоу Янь сжал кулаки, не веря в происходящее. Ногой пнул створку ворот и развернулся, ушел, не оборачиваясь.

А Сюй проснулся от голода. Тело ломило, он еле поднялся. Из-за низкого ранга в классе с ним мало кто общался — и вот результат: все ушли, никто не разбудил.

Классы и двор — пустые, чёрные, как вымершие. Должно быть, уже восемь вечера.

Мысль, что пронеслась первой: «Чжоу Янь не поужинал!»

Ворота были заперты. Но это не помешало ему перелезть через забор. Приземлился, отряхнулся, встал на ноги.

Утром обещали дождь, но весь день не капнуло ни капли. И вот теперь, крупные, тяжёлые капли начали падать. Били по голове так, что казалось — сдирают кожу.

Вся дневная буря теперь проливалась ночью.

Воздух стоял глухой, как в замкнутом мешке. И даже дождь — был горячим.

Сюй Сяочжэнь чувствовал себя как-то не по себе — будто вся череда неудач свалилась на него в один день. Тело ломит, дождь льёт, Чжоу Янь в бешенстве, а он ещё и проспал.

Но хуже физической слабости была мысль: как теперь утихомирить его злость?

Хотя по-хорошему, стоило бы проявить характер. Осудить Чжоу Яня за его наглость. Заставить его извиниться. Юань Нанань был прав: он сам его избаловал. Слишком много прощал, слишком легко уступал. И теперь Чжоу Янь считал, что любое его поведение — норма.

Но стоило ему только представить, как тот смотрит с раздражением, как хмурится, — сердце внутри сжалось, кольнуло. Боль была почти физической.

В Восемнадцатом секторе никто не знал ничего о природе альф и омег. Ни книг, ни лекций, ни врачей. Никто не объяснил ему, что это — нормальная реакция для омеги после метки.

Он открыл дверь. В кресле сидел Чжоу Янь, скрестив руки, тень застывшего раздражения на лице.

Сцена, которую, казалось, они разыгрывали уже десятки раз.

Каждый раз — одно и то же. Чжоу Янь бесится по непонятной причине, устраивает скандал, а потом ждёт вот так — мрачный, как грозовая туча, — когда Сюй Сяочжэнь вернётся домой.

И каждый раз — Сюй его уговаривает. То сладостями из кармана, то телом. Сцена повторялась

снова и снова, каждые пару дней — по кругу.

На этот раз он был особенно жалок: волосы мокрые, прилипли ко лбу, капли дождя стекали по прядям и падали на бетонный пол. Весь промок, как курица в ливень. Вздыхнул и хрипло сказал:

— Я вернулся.

— А ты вообще помнишь, где живёшь? Сколько времени? Где шлялся, а? Отвечай, Сюй Сяочжэнь!

Чжоу Янь вскочил, всё так же скрестив руки, глаза метали молнии.

В ответ — лишь чувство бессилия. Словно мужчина, страдающий импотенцией, перед жаждущей ласки красавицей — и сил нет, и сказать нечего.

Он молча прошёл внутрь, отжал рукава рубашки — вода тонкой струйкой стекала по пальцам. Голова опущена. Он не спорил. Дождлся, пока Чжоу Янь выговорится.

Когда в комнате наконец стало тише, Сюй Сяочжэнь поднял взгляд и, всё так же сипло, прохрипел:

— Чжоу Янь... Давай поговорим. Ты можешь... ну... больше так не делать? Как ты сегодня утром... Ни один нормальный человек не стал бы так поступать.

— В наказание... — он тяжело сглотнул, горло горело, — три дня только питательная смесь. Я не буду тебе готовить.

Чжоу Янь не отреагировал. Будто не услышал ни слова. Он резко схватил его за запястье, закатал мокрый рукав, нахмурился, затем вскочил, включая свет по всей комнате:

— Это что у тебя на руке?!

Сюй Сяочжэнь стянул рукав обратно, устало ответил:

— Аллергия. На молоко. Всё в порядке.

Похоже, Чжоу Янь вспомнил, как с утра сам влил ему ту половину стакана. Но вины он не почувствовал — наоборот, разозлился ещё сильнее:

— Ты совсем больной?! Знал, что аллергия — и всё равно выпил?! Я тебе яд дам — ты тоже

выпьешь?! Даже не обработал?! Да тебя, видно, сама смерть стороной обходит — настолько твоя жизнь ей не интересна!

Сюй давно научился не воспринимать его слова всерьёз. Пусть и звучат, как лезвия, он слышал между строк — тревогу. Сердце оттаивало, билось быстрее. Он попытался успокоить:

— Я не знал. Никогда раньше не пил.

Взгляд Чжоу Яня стал странным, будто колебался на грани.

Но не успел он ничего сказать, как над их головами разорвался воздух.

Выстрел.

Пронзительный, глухой. Где-то снаружи — за окном, в шумном, мокром, затаившемся районе. Сквозь чёрную воду дождя, сквозь ночь — пуля пробила железную дверь и с визгом прошла мимо, едва не задев Сюй Сяочжэня за ухо.

Его голову резко дёрнуло вбок, как будто само тело инстинктивно увернулось. Пуля со звоном вонзилась в стену позади. На пол посыпалась пыль. В воздухе запахло порохом и ржавчиной.

<http://bllate.org/book/14462/1279135>